

Обухом по голове

Рассказ

Зло без добра не сделает и шага,

Хотя бы потому,

Что вечно выдавать себя за благо

Приходится ему...

/Валентин Берестов/

На окраине поселка уже лет двадцать стоял позабытый-позаброшенный дом. До этого времени дом был вполне приемлемым для жилья. Обитали в нем, как в одной известной сказке, старик со старухой по фамилии Кукорины, вот только моря никакого не было, как и разбитого корыта, потому как хозяин был рукастым и мастеровым. Сразу за пределами земельного участка Кукориных раскинулся луг, радующий глаз в теплое время года обилием полевых цветов, из которых выделялись нежные маки. Старуха Кукорина уверяла: когда ветер дует с луга, у нее начинается мигрень. Так ли это или нет, никто не проверял. Все сходились во мнении, что старухе просто слово нравится – «мигрень», благородное и мало понятное. Что-то доказывать никто не собирался: связываться со старухой Кукориной – себе же дороже. Тем более, она могла настроить старика, а тот – отказать в помощи. Но подобных случаев не происходило.

Уже после ухода в мир иной сначала старика, а потом и старухи, за лугом начал разрастаться коттеджный поселок. Благо, луг остался нетронутым.

Кукорины вырастили трех сыновей, двое разлетелись по белу свету, только один, Андрей, проживал в районном центре, работал на стекольном заводе. Андрей женился, родилась дочь Злата.

После смерти родителей сын изредка навещался в родовое гнездо. Но потом произошла трагедия: в результате несчастного случая Андрей получил серьезную травму, три дня находился в бессознательном состоянии, из которого так и не вышел.

Спустя время, вдова Андрея Кукорина приехала в поселок «Веселый», навела относительный порядок и выставила дом на продажу. То ли цену завысила, то ли передумала продавать дом с участком, но новых жителей в поселке так и не появилось. Дом постепенно ветшал и обещал в скором времени превратиться в развалины. Если бы не соседка Кукориных, Павлина Марковна

Ефименко. Она уважала стариков Кукориных при жизни, не забыла о них и тогда, когда обоих не стало. Павлине Марковне не хотелось, чтобы соседский дом, некогда выстроенный «золотыми» руками хозяина, был стерт с лица земли. Женщину никто не просил заботиться о доме и участке, она сама проявила инициативу. Опять же, не дело, когда соседняя земля зарастает сорняком по самое не хочу. Сама управлялась с косой, а затем купила в райцентре какой-то отравы, развела в воде в указанной пропорции и оросила соседскую землю. С той поры как бабка пошептала – сорняки не растут. Правда, каждую весну приходится повторять «эксекую», но в этом тоже есть свой плюс: ежели что посадить из плодоовощной культуры, то можно не сомневаться – урожай будет. Выходит, земля не отравлена химикатами, так рассуждала соседка, человек доброй души.

Павлина даже подумывала выращивать цветы на соседнем участке, продавать и получать прибавку к своей небольшой пенсии, но так и не решилась: вдруг нагрянет новая хозяйка, объясняйся с ней потом...

Что сказать о новой хозяйке, невестке Кукориных? Она сразу не пришлась ко двору. Старики считали ее гордячкой и белоручкой. Но внучку Злату обожали. Вот только видели девочку редко, невестка платила старикам их же монетой, дочь и мужа отпускала в поселок редко.

Когда Андрея не стало, и высокомерная особа заявила в «Веселый», то даже не заглянула к соседям и не поделилась своими планами. Соседи случайно узнали, что дом выставлен на продажу, когда появилась болтливая риелторша под ручку с потенциальным покупателем. Но это был первый и последний визит. Больше ни менеджеров, ни покупателей никто не видел.

Павлина Ефименко сначала забрала к себе соседского кота Ваську, который успел стать беспризорником, после взяла шефство над никому не нужным домом Кукориных. Где спрятан ключ от дверного замка – ей было известно, впрочем, как и всем остальным жителям поселка, а калитка отродясь не закрывалась, не считая обычной петли из нержавеющей стали.

Как-то Павлине пришлось нанимать работников, чтобы подлатать прохудившуюся крышу. Сама бы материально не осилила такой ремонт, но жители поселка помогли, скинулись по призыву всеми уважаемой Авдотьи Ипполитовны Земцовой.

И на этот раз дом Кукориных устоял. Так что, совсем уж позабытым-позаброшенным его назвать нельзя: относительно позабытый. Без хозяина...

И вот однажды в поселке появилась Злата Шевчук, в девичестве Кукорина. Да не одна, а вместе с предприимчивым супругом. Более общительная, чем ее мать, Злата сообщила соседке Павлине Марковне, что хочет снести старое строение и выстроить новый дом, чтобы проводить здесь весь весенне-летний период. Павлина от обиды даже губы поджала, как будто ее лишили любимого дитя. Но словом не обмолвилась. Кто она? Никто! Полноправная хозяйка теперь Злата Шевчук. По привычке Ефименко про себя называла ее Кукориной.

Павлина помнила ее маленькой девочкой с большими глазами и пухлыми губками. За эти годы девочка успела подрасти и превратиться в настоящую красавицу. Чего не скажешь о ее муже-заморыше. Так окрестила его Ефименко, окинув критическим взглядом.

После разговора с молодой хозяйкой, Павлина Марковна укрылась в своем доме, но за делами успевала поглядывать в окошко, оценивая труды соседей.

Вся мебель в доме была сделана руками большого мастера, старика Кукорина. Жители поселка считали: с таким талантом Кукорин мог обогатиться. Но деньги старика не интересовали. Он получал удовольствие от своей работы и от благодарных слов соседей, которые обращались к нему по любому поводу. И он никогда не отказывал. Старик Кукорин не только имел «золотые» руки и светлую голову, но обладал благодущным нравом. Он всегда был в приподнятом настроении, во всем потакал своей супруге. А супруга вила из него веревки – почти, как старуха из сказки. Но в отличие от «сказочной» старухи, дозволенных границ не переходила. Побаивалась. И на то была причина: примерный во всех отношениях супруг, чего скрывать, любил заложить за воротник, не часто, но ежели прикладывался к бутылке, меры не знал. И сразу превращался в монстра, вспоминал все нанесенные супругой обиды и брался на топор. Перепуганная женщина сбегала из дома и находила приют у соседки Павлины, а подвыпивший хозяин, потерявший объект своего пристального интереса, некоторое время пускал слезу от жалости к себе, затем засыпал прямо за столом, приткнув буйную голову на сложенные руки.

Уже на утро он возвращался в человеческий образ, не мог вспомнить, что произошло накануне, но на всякий случай просил у жены прощения. Отчитав буяна, женщина прощала его, в семье восстанавливался мир и покой.

Соседи обращались к местному умельцу по любым бытовым вопросам, но в основном, починить пришедшую в негодность старую мебель, привычную и полюбившуюся. Для покупки новой у жителей поселка не было средств. И

зачем что-то покупать, если умелец сотворит чудо и старье, которому место на свалке, преобразится до неузнаваемости.

Как уже говорилось, вся мебель в доме умельца была сделана его собственными руками. И когда в дом нагрянула наследница Злата, то у нее не хватило смелости выбросить мебель на помойку или сжечь, устроив большой пионерский костер. Конечно, мебель потеряла былой лоск, перестала радовать глаз, но при желании ее можно привести в божеский вид и выставить на продажу, о чем заявил предприимчивый муж Златы Викентий. Злате совсем не хотелось тратиться на реставрацию мебели, с продажи которой много не выгадаешь, она решила вопрос иначе – раздать соседям, вдруг кто-то заинтересуется. Кое-что из мебели она тут же предложила Павлине Марковне. Та взяла вполне добротный стол и четыре стула. Хотела еще прихватить резную этажерку, но под взглядом Викентия передумала и быстро удалилась. Дальнейшую раздачу мужчина пресек и принялся названивать знакомым, знакомым знакомых, чтобы выйти на «ценителя старины», коллекционера, особо не надеясь на успех своей затеи.

Однако в результате долгих телефонных переговоров Викентий Шевчук все-таки добрался до одного «ценителя», который обещал приехать вечером и посмотреть, что ему предлагают.

Новые хозяева выволокли всю имеющуюся мебель во двор и занялись приведением ее в товарный вид, чтобы «вековая» пыль не охладила желания потенциального покупателя.

Пока Викентий трудился над предпродажной подготовкой, Злата взялась исследовать дом. Сразу по прибытию она распахнула ставни и убранство дома предстало во всей «красе». Теперь, когда из дома исчезла почти вся мебель, взбудораженная этим действием пыль принялась веселиться в солнечных лучах, без преград проникающих через оконные проемы. Надышавшись пылью, Злата пару раз звонко чихнула, собралась выйти на свежий воздух, но передумала и осмотрелась. В грудь вползла душевная тоска, а сердце неприятно заныло. Злата вспомнила своего отца, деда с бабушкой. Бабушка была полной женщиной с румяными щечками, а дед - высоким и худощавым с впалыми щеками. Ел он много и с удовольствием, а супруга усмехалась – «не в коня корм». Бабушка пекла невообразимой вкусноты булочки с маком. Маленькая Злата уминала булки и запивала холодным молоком. Ничего вкуснее за всю жизнь не ела.

Почему-то вспомнилось об этом только сейчас.

Злата бывала в поселке не часто. Они приезжали вдвоем с отцом и безумно радовались тому, что могут спокойно общаться без постоянных понуканий со стороны жены и матери. Мать всегда выглядела несчастной и свое недовольство всем и всеми переносила на мужа и дочь. Без нее даже дышалось легче.

Когда отец погиб, мать не проронила ни слезинки. Вскоре у Златы появился отчим. Слишком быстро появился. До неприличия быстро. Теперь несчастной стала сама Злата. Она не вымещала недовольство на других, она замкнулась в себе.

Кажется, никто Злату так не любил, как старики. Отец пропадал на работе, мать предпочитала компанию подруг общению с дочерью. Злате всегда не хватало внимания, любви и заботы.

Она нашла всё это в своем супруге, в Викентии.

Так ей казалось поначалу...

Злата отогнала грустные мысли и осмотрелась. Носильные вещи из шкафа были свалены на старенькой кровати с панцирной сеткой, одиноко стоящей посередине комнаты. Поверх вещей громоздились старые фотографии в рамках, перекочевавшие на кровать с трельяжа, нашедшего временное пристанище во дворе.

Молодая женщина забыла зачем пришла, как загипнотизированная приблизилась к кровати и с робостью взяла в руки одну фотографию, как будто та таила в себе опасность. Семейная фотография семьи Кукориных – отец, мать и трое сыновей. Все серьезные и сосредоточенные, в объектив глядят с напряженным ожиданием. Злата печально вздохнула и поставила фотографию в рамке на подоконник. Присела на корточки, уложив на подоконник локти, всмотрелась в лица пятерых человек и с дрожью в голосе сообщила:

- Я приехала. Я вернулась.

Она сама не понимала, что творится в ее душе, но вместе с неожиданной тоской внутри холодной змеей вползла тревога. Казалось бы, беспочвенная.

Новая хозяйка старого дома завертела головой, причем с таким усердием, что в шейном отделе что-то хрустнуло. Злата потерла ладонью шею и поднялась на ноги. Снова взяла в руки фотографию и снова вернула ее на подоконник. Отошла на пару шагов и вкрадчиво поинтересовалась у прежних владельцев, делая паузы между словами:

- Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

Пятеро человек смотрели на нее с легко заметным осуждением. Злата поспешила оправдаться:

- Вы не подумайте, что я страдаю манией преследования или чем-то еще, но у меня появилось ощущение, что я... – она понизила голосом, - что я в доме не одна.

Подумав, женщина обратилась непосредственно к деду:

- Я... не злоупотребляю, я... вообще не пью... Ну, могу иногда выпить бокал хорошего вина, не более того. Но тебя, дедуля, не осуждаю – не имею никакого морального права это делать, тем более в моем присутствии ты «ни-ни», в рот не брал ни грамма спиртного, не говоря уже о том, чтобы гонять бабушку по двору... Может, и не было этого, мать наговаривает, хотя сама утверждает, что при ней тоже ничего подобного не происходило. При этом не забывает напоминать, что бывала в «Веселом» редко – дескать, ее здесь не привечали. За что ж вы ее невзлюбили, а?.. В принципе, я не удивлена – моя мамочка еще та... штучка... Бабуль, что-то мне не верится, что дед гонялся за тобой с топором. Вот смотрю я на него и понимаю – добрейшей души человек. И мой отец таким же был. Выходит, наговаривала ты на мужа, бабуля...

- Кажется, у меня поехала крыша, - шепотом поставила себе диагноз Злата и на этот раз спросила у себя, - что происходит? Почему я несу всякую околесицу? И почему хочется только одного - бежать из дома без оглядки?..

Пораскинув мозгами, высказала свое предположение:

- Вдруг дед в момент временного умопомрачения кого-то порешил своим топориком и... Впрямь крыша поехала! Старики были прекрасными людьми, всеми уважаемыми. И точка!.. С чего вдруг у меня разыгралось воображение? Что меня беспокоит? Или просто нахлынули воспоминания?..

Когда они с отцом приезжали в гости, бабушка нелепо взмахивала руками и каждый раз корила: «Что ж вы не предупредили?! Я бы приготовилась». Потом бросалась обнимать и целовать.

Отец Златы был младшим сыном Кукориных, поэтому самым любимым. Но никто его не баловал. Трудяга был каких поискать, и характер покладистый. Опять же спиртным не злоупотреблял. Но после женитьбы младшего Кукорина будто подменили. И выпивать стал, и на работе конфликтовал, хотя, к работе по-прежнему относился ответственно. Мать, естественно, винила супругу Андрея: плохо на него влияет и настраивает против родителей. Еще

одной причиной нелюбви к невестке была разница в возрасте в пять лет: жена была старше. Поэтому стала для свекрови «старухой».

Мать отказывалась понимать, что сын стал реже приезжать в «Веселый» по причине постоянных нравоучений. Андрей не спорил, больше помалкивал, но выходило не так, как в известной поговорке: в одно ухо влетало, из другого вылетало. Материнские слова задерживались в голове. В итоге Андрей почувствовал себя глубоко несчастным, заглушал душевную боль известным способом. Неизвестно, чем бы дело закончилось, но произошла трагедия, Андрей погиб. В случившемся, что понятно, обезумевшие от горя родители тоже обвинили невестку...

Злата помотала головой, отгоняя ненужные воспоминания. Освободила себе место на кровати, рухнула на панцирную сетку и покачалась, как в былые беззаботные времена. Отчаянный скрип кровати вернул ее в настороженную действительность. Сердце вдруг надумало попрыгать на батуте, норовя выскочить через горло. Молодая женщина в очередной раз собралась задаться уже надоевшим вопросом «что происходит», но раздумала.

Страх никуда не ушел, но Злата стоически не покидала старого дома. Чтобы отвлечься, загорелась желанием покопаться в ворохе одежды, принадлежавшей прежним хозяевам, при этом не перестала исподтишка изучать комнату, наполненную пылью и странностями, ею же придуманными. Злате казалось, что кто-то неведомый вот-вот потеряет бдительность и как-то себя выдаст. К примеру, скрипом полом.

Или ничего не произойдет, на смену тишине не придет отчаянный звук-стук, и Злата, наконец, успокоится. В чем она сильно сомневалась. Не хотелось думать о плохом, но казалось, что некто, возомнивший себя полноправным хозяином, затаится, подберет момент, когда она потеряет бдительность, и нападет.

- Кто тут временные! Слазь! Кончилось ваше время! - пробубнила для собственного успокоения фразу, позаимствованную у Маяковского, продолжая изображать полнейшую беспечность: пусть поймет, что никто его не боится; еще неизвестно, кто кого. Решила себя подбодрить, не слишком успешно. Руки, перебиравшие старую одежду, подрагивали, а глаза не могли сконцентрироваться на чем-то определенном. От этих глазных метаний голова пошла кругом. И хотела бы улизнуть, да сил нет.

Пришлось перепуганной до неприличия хозяйке остаться на месте. Под ее «бараньим» весом панцирная сетка кровати продолжала издавать скулящие

звуки, как бы издеваясь. Солнечный луч достиг ноги, перекатился и последовал далее. Выказал свою полную поддержку. На душе стало спокойнее.

Взгляд упал на одинокий колченогий стул, тоже сделанный покойным дедом. Стул с изогнутой спинкой, с круглым сиденьем и дугами-перекладинами кособоко стоял в углу комнаты. Злата усмехнулась: кто-то его наказал.

- Ничего-ничего, всё наладится, - пробормотала она. – Наверно, прежние хозяева затаили обиду на меня-разрушительницу. Не я строила, не мне ломать... Обещаю - сделаю ремонт, но попытаюсь сохранить дом в первозданном виде, чтобы сохранить память о дедушке, который выстроил его с любовью своими руками. Мебель продавать не стану, найду хорошего реставратора... Или сама займусь, кое-что умею, по наследству от деда перешло.

Память о предках живет не только в наших головах и в сердце, но и в милых безделушках, вещицах, которые перешли к нам по наследству. Если ты избавляешься от них, из тебя уходит что-то важное и нужное, - подумалось ей, - ты превращаешься в бездушное существо...

Душа... Мало у кого она есть. Взять мужа. Он точно бездушное существо. Беспринципное и наглое. А она... пошла у него на поводу! И так всегда...

Любовь... Была любовь и испарилась. Он сам виноват.

Как можно так ошибаться?! Как можно принять корыстный интерес за любовь?!

Будто бы разобралась. И ничего не предпринимает. И это выводит из себя. Она запикивает внутрь свое возмущение, свое раздражение, свое недовольство. Держит в себе, что плохо влияет на здоровье и на жизнь в целом. В том числе и на работу головного мозга. Вот до чего дошла - придумала себе чертей в старом тихом доме! Еще поговори о привидениях!..

Злата знает ответ на вопрос, почему она ничего не предпринимает: боится остаться одна. Одиночество страшит.

Можно завести собаку или кошку.

Развестись с мужем и завести домашнее животное. Вот тебе и выход.

Да, надо разводиться. Больше нет сил терпеть ложь. Викентий ей давно неверен. Его постоянные задержки на работе, частые командировки, где «нет мобильной связи»...

Зачем она притащила Викентия с собой? Решила сохранить... хм... семью, объединить общим делом. Было бы что сохранять. Давно нет ни семьи, ни любви. Неподалеку маячит совершенно чужой человек, который ее недостойн. Злата не зазнайка, но цену себе знает. Все знакомые как один уверяют, что она привлекательна, умна, прилично зарабатывает, намекая, что рядом с ней живет человек, пользующийся ее благами.

Бабушка говорила: с лица воду не пить. В том смысле, что внешняя красота – не главное. Эту фразу Злата вбивает в свою голову постоянно, особенно, когда видит по утрам помятую физиономию Викентия. Конечно, у мужчин ценятся иные качества: мужественность, надежность, ответственность. У мужа, увы, подобных достоинств нет и не было. Интересно, на что она повелась? На сладкие речи без слова правды? Забил ей голову белибердой, как ватой, подчинил себе и повел на веревочке в ЗАГС.

Очнулась. Разобралась. Вата из головы исчезла. Продолжение следует. Ожидание затянулось.

В чем конкретно разобралась? Викентий лжив, ленив, скуповат, если не сказать – скуп безмерно, причем рьяно экономит ее же деньги – собирается открыть собственный бизнес. Ага, собственный бизнес на чужие средства. Что он предпринял для того, чтобы заработать лишнюю копейку и положить в чулок? Не тут-то было: все заработанные «непосильным» трудом денежки он тратит на себя любимого.

Ей тридцать три года. Замужем она восемь лет. Детей у них нет, потому что муж не хочет, а она не настаивает, потому что знает: уйдет в декрет, жить им станет не на что. Да, первое время еще будет «подушка безопасности», а потом... Они привыкли жить в достатке, пусть относительно, но в достатке. Свою любимую работу – не бей лежачего – муж менять ни за что не станет. И опять же любовница... У нее нет доказательств ее существования, но причина кроется в нежелании искать доказательства. Но чутье Злату никогда не подводило.

- Может выгнать его к чертовой матери и забыть, как о кошмарном сне? - обратилась Злата к бабушке на фотографии. - Ба, а правда говорят, что мы с тобой очень похожи?.. Об этом сказала тетя Павлина, соседка наша, как только меня увидела. Так и сказала: «Ты, Злата, вылитая бабушка, та тоже была необыкновенно хороша собой! Я не застала ее в молодости, позже приехала в «Веселый», но все поселковые старожилы об этом говорили. Одно знаю точно - до старости сохранила привлекательность. Все мужчины на нее

засматривались. Но твоя бабушка любила только одного мужчину - твоего деда!»

- Счастливые, - вздохнула внучка. – Вот мне не повезло встретить вторую половинку.

Соседка Павлина Марковна говорила, что характер у бабки был не сахар. В этом Злата тоже с ней схожа: подчиненным спуску не дает. А вот дома превращается в «порабощенную женщину Востока». Нет, не пресмыкается перед мужем, но терпит, терпит и зубами скрипит. Удивительно, что зубы до сих пор не раскрошились.

- Бабуль, ты не переживай, - обратилась к старой фотографии внучка, - всякому терпению есть предел. Могу представить, что бы ты мне сказала: своим рабским поведением ты себя унижаешь и делаешь несчастной... Я обещаю - скоро с ним разведусь... Но мне остро необходим кто-то рядом. Мужчина. Настоящий, любящий. Представляешь, на работе все коллеги мужского пола или женаты, или сопляки-несмышлениши. Уводить чужого мужа из семьи - не в моих правилах. Вешаться на шею молодяку – не в моих принципах. Знакомства по Интернету я не приветствую... Ты не знаешь, что такое Интернет? – спросила она у воображаемой бабки. – Это долго объяснять. И неохота... Ты лучше подскажи, что меня беспокоит? Что с твоим домом не так?

Злате Шевчук никто не ответил, что естественно, но ноги повели ее в соседнюю комнатку без окон. Свет проникал из большой «залы». В комнатке стояла еще одна односпальная кровать, двойник прежней. Еще недавно в этой глухой комнатке находился сундук, очередное детище деда, но сундук тоже перекочевал на улицу. Дверной проем закрывали старенькие занавески из сатина с выцветшими васильками.

Женщина сильнее распахнула занавески, пригвоздив их ладонями к дверному косяку. На полу комнатки валялись тетрадные листки с едва различимыми цифрами. Злата наклонилась, чтобы поднять один листок, занавески за ней закрылись, как занавес на театральной сцене, отрезав от «залы». Злата встрепенулась, вскочила, сорвала занавески, легко ей поддавшиеся. Отбросила занавески подальше и снова потянулась за тетрадным листком, но замерла, заметив в деревянном полу крышку, похожую на крышку подпола. Крышка была отлично подогнана и почти не различима в полу, некогда выкрашенном в коричневый цвет, а теперь ставшим облезло-грязным.

Женщина задумалась, чем бы подцепить крышку. Отыскала большой кухонный нож и с его помощью поддела, затем уцепилась за крышку пальцами и откинула. Крышка отвалилась до допустимого предела, зашаталась и вознамерилась вернуться в исходное положение, но Злата не позволила. Вернула ее в устойчивое положение, встала на колени и заглянула внутрь темного подпола. На нее сразу пахнуло затхлостью и мышами. Злата содрогнулась – мышей она ужасно боялась.

- Странно-странно, - пробормотала она всего лишь для того, чтобы успокоиться. – Странно то, что я ничего не знала об этом подвале. Интересно, в каких целях использовали это помещение? Наверно, дедовы владения. Хотя, темновато здесь для работы. Лучше использовать для хранения... заготовок на зиму... При мне никто из домочадцев сюда не лазил... Странно-странно... А, может быть, бабуля хранила в подвале самогон? И вход сюда находился под строгим контролем, чтобы кое у кого лишнего соблазна не возникло. Подальше положишь - реже понадобится. По-тихому в хранилище не проникнешь, это факт. И только под неусыпным контролем: заслужил – получи свои двести граммов. В моем присутствии в доме объявлялся сухой закон. Потому о тайном подполе я ничего не знала.

Злата отвернулась от лаза и сосредоточилась на следах волочения, которые остались на полу в результате переезда сундука во двор.

- Мда, при всем уважении, мои предки были с причудами, - хмыкнула женщина, - это ж надо додуматься – сдвигать тяжелый сундук при любой надобности. А был ли сундук? Что-то я не припомню. В этой комнатухе всегда спал отец, когда мы приезжали в гости. Кровать помню, еще был небольшой низкий столик на трех ножках... Был еще стул... Сундук стоял в другом месте... Всё выглядит очень подозрительно... Сейчас я сбегаю во двор, в машине есть фонарик.

Со словами «фонарь вам с помощью» Злата направилась к выходу и притормозила на пороге. С этого места хорошо просматривался двор. Викентий ходил павлином - важничал. Всю работу по очистке мебели он решил переложить на нее.

У Златы отпало желание покидать дом, а то ненароком наговорит кучу «лестных» слов.

Отыскала на кухне свечу и спички. Вероятно, ими пользовалась соседка Павлина, когда навевывалась в дом Кукориных.

Злата зажгла свечку и, прикрыв ее ладонью, вернулась к лазу в подпол. Невзирая на грязь и пыль, всегдашняя чистюля опустилась на колени – проникать внутрь не рискнула, и попыталась осветить подвальное пространство колышущимся пламенем свечи.

Вниз вела обветшалая деревянная лестница. На ней женщина сразу заметила ворох истлевшего тряпья. Изогнулась, опустила свечу понижу и... отшатнулась, сообразив, что в ворохе тряпья прячутся человеческие останки.

Неведомая силы оторвала ее от пола, развернула лицом к выходу и придала ускорение.

Злата пулей вылетела из дома, пронеслась мимо мужа, который привычно не обратил на нее никакого внимания, несмотря на то, что она никогда не увлекалась спринтерским бегом.

Преодолев калитку, повернула налево, прочь от дома, прочь от луга, и... тотчас уткнулась в пожилую женщину, которая быстро сориентировалась и распахнула ей свои объятия.

- Что с вами, моя милая? На вас лица нет, – ласковым голосом проговорила незнакомка.

- Я... эээ... там, - проблеяла Злата и указала рукой в сторону дома, который только что покинула в большой спешке.

Незнакомка взяла ее под руку и, миновав калитку, повела в сторону луга. Ветерок заигрывал с травой и полевыми цветами, нагибая их к земле. Перепуганная Злата невольно заметила природные красоты и немного пришла в себя. По крайней мере, язык стал ей повиноваться. Слегка совладав с эмоциями, она четко выговорила:

- Я нашла останки человека. В подвале. Сверху стоял громоздкий сундук, поэтому пленник не смог оттуда выбраться. Это мое умозаключение.

- Вы...

- Я в своем уме и ничего не путаю, - не позволила Злата продолжить. – Я еще всё думала: ну, что со мной происходит, почему сердце не на месте. А оно, вон как... Неужели я предчувствовала, что в доме находится... труп. Это как? Это почему?

- Милая, у вас стресс.

- Правда, это ужасно? Я не про то, что в подвале труп, а про то, что человек мучительно умирал. Он сидел на лестнице, под самой крышкой, и пытался

выбраться. Наверно, стучал, звал на помощь, но его никто не слышал. Или слышал только убийца. Он наслаждался своей властью над несчастным. В результате человек скончался, а его мучитель удалился со спокойной душой. И теперь на лестнице находится мумифицированный труп, - продолжала тараторить женщина, не реагируя на слова незнакомки.

- Милая, у вас шок, - поглаживая Злату по плечу, ласковым голосом произнесла та.

- Вы считаете меня сумасшедшей? Думаете, мне всё привиделось?

Пожилая женщина не дала ответа, в ее руках оказался мобильный телефон.

- Сейчас я позвоню нашему участковому инспектору, он мужчина толковый, во всем разберется, - пояснила она.

- Спецбригаду из психушки не вызвали и на том спасибо, - пробормотала Злата.

- Если чувство юмора не покинуло, то за ваше психическое состояние я спокойна...

Сначала к дому прибыл участковый уполномоченный капитан полиции Черноухов, после - вызванная им следственная группа.

Незнакомка, которой оказалась Авдотья Земцова, хозяйка и приглашенная в качестве понятой Павлина Марковна Ефименко терпеливо сидели во дворе на обшарпанной скамейке, ждали окончания следственных мероприятий и, естественно, строили догадки.

- Последний раз я была здесь двадцать лет назад вместе с мамой, - зачем-то сообщила Злата, изучая потрескавшуюся землю под ногами. – Если я не ошибаюсь, мама позже приезжала еще раз или два, но уже без меня... Но это не значит... - осеклась молодая женщина.

- Ты о чем? – уточнила Павлина Марковна, кося на нее недобрым взглядом, как будто успела сделать собственные умозаключения, и они уж точно не обрадуют новую соседку.

Злата почувствовала на себе неприязненный взгляд и невольно передернула плечами. Но речь стала более уверенной:

- Я не думаю, что мама заманила кого-то в дом, огрела чем-то тяжелым по голове, а когда человек потерял сознание, она затащила его в подвал и

оставила там, подвергнув ужасной и мучительной смерти. Да, моя мать не подарок, но убивать... - затрясла она головой.

- Эдак можно и на меня подумать, - фыркнула Ефименко и пояснила, – кроме меня в ваш дом никто не заходил. Верно? Верно. - Сложив руки колечком на груди, женщина дерзко вздернула подбородок.

- Кое-кто заходил, - подумав, высказалась Авдотья Ипполитовна Земцова. Присутствующие обратили на нее свои взоры. – Убийца заходил вместе со своей жертвой, которая не подозревала об уготованной ей участи. Потенциальный преступник знал, что дом пустует. Пригласил жертву, оглушил, как вы, Злата, правильно заметили...

- Почему сразу оглушил, - поморщился Викентий. – Преступник мог ударить несчастного ножом или выстрелить из ружья.

- Насчет ружья – я сильно сомневаюсь: выстрел разнесся бы по всему поселку, и сбежался бы народ. А что касается ножевого ранения, я этого не исключаю. В любом случае, следствие разберется, - обронила Авдотья Ипполитовна. - В общем, злодей совершил деяние и бросил жертву в подпол. Жертва пришла в себя, попыталась выбраться из заточения, но не смогла...

- Пришла в себя при условии, что после нападения осталась жива, но находилась без сознания, - вставила Злата.

Авдотья согласно кивнула и продолжила:

- Наверное, раненый человек звал на помощь, но его никто не услышал. Что не удивительно: ваш дом стоит на отшибе. В коттеджный поселок мало кто из наших ходит, а тамошние жители заезжают к себе с другой стороны, за лугом проложена нормальная дорога. – Авдотья махнула рукой в сторону «нормальной» дороги, отсюда невидимой.

- А наша молочница? – вспомнила Павлина Ефименко. – Я часто вижу, как она шастает мимо моего дома со своей тачкой в сторону коттеджного поселка.

- Надо ее поспрашивать – вдруг кого-то видела или что-то заметила. Подозрительное... Вероятность велика, если преступление произошло недавно. Кто его знает, сколько времени этот несчастный пролежал в подвале.

- Несчастливая, - опомнилась Злата. – Я не сразу поняла, а сейчас вспомнила: погибшая при жизни была блондинкой с длинными волосами.

- Дождемся вердикта судмедэксперта, - настороженно поглядывая на нее, произнесла Земцова.

- Ох, горе-горькое, - запричитала Ефименко...

Судебный медик высказал предварительное заключение:

- Мумифицированным останкам около пятнадцати лет. Точнее скажу после тщательного изучения. Но можно с уверенностью заявить следующее – останки принадлежат женщине тридцати-сорока лет. – После чего предъявил следователю главную улику, - думаю, это поможет тебе установить личность погибшей.

В небольшом пакете находились серьги из желтого металла и женские наручные часы. Следователь поднял пакет на уровень глаз и принялся рассматривать.

Обладавшая дальновзоркостью Авдотья Ипполитовна приподнялась со своего места, на негнущихся ногах подошла ближе и еле слышно пробормотала:

- Этого не может быть. – После чего приложила ладонь к губам.

- Что с вами, Авдотья Ипполитовна? - перепугался Степан Черноухов. А пугаться было чему: его бывшая учительница была смертельно бледна и еле держалась на ногах.

- Степа, это серьги моей дочки. Но... там, в подвале, она не могла оказаться. Ты же знаешь, что с ней произошло.

Капитан полиции Черноухов пояснил следователю:

- Дочь Земцовой, Ольга Константиновна Векшина, погибла в автомобильной аварии вместе с мужем и отцом пятнадцать лет назад. После столкновения с бензовозом автомобиль загорелся. Все пассажиры погибли на месте. Виновником аварии считался водитель автомобиля «Жигули».

- Может, ваша дочь дала серьги подруге. На время. Поносить, – безразличным тоном отчеканил следователь, хмурясь от недовольства: теперь придется иметь дело с полубезумной старухой, возомнившей себе невесть что.

- Мы с мужем подарили Оленьке эти серьги на тридцатилетие, она их надела и больше никогда не снимала, - более осмысленно заявила Авдотья Ипполитовна, не сводя глаз с пакета с находками.

- И все равно, - уперся следователь, - для начала надо убедиться, что останки принадлежат вашей дочери. Для этого необходимо провести экспертизу ДНК...

Экспертиза показала, что обнаруженные в подвале дома Кукориных человеческие останки принадлежат дочери Авдотьи Земцовой, Ольге Константиновне Векшиной, в девичестве Земцовой.

- Этого не может быть, - твердила Авдотья Ипполитовна. – Я сама видела, как все сели в машину. Все и Оленька в том числе. Сели в машину и уехали. Больше я в живых никого не видела. Оpoznать трупы не представлялось возможным – они сильно обгорели. В машине было три обгоревших трупа. Три, - подчеркнула она. – Следствие толком не велось, в основном делался упор на мои показания и на то, что владельцем автомобиля являлся мой зять, Виктор Векшин.

- Я хорошо помню, как ты стояла у ворот и смотрела вслед автомобилю, в котором сидели все трое, - высказался Кузьма Иванович Подопригора, который пришел к соседке, чтобы ее поддержать. – Еще помню, что трагедия произошла на трассе, в нескольких километрах от поселка.

- Кузьма, я не знаю, что и думать. Как Оля могла оказаться в доме Кукориных?

- Авдотья, можешь мною располагать по своему усмотрению. Я всегда готов тебе помочь. Говори, что нужно делать.

- Сама пока не знаю. Но я обязана выяснить, что произошло на самом деле, кто погиб в автомобильной аварии вместо Олечки. И почему Оля покинула автомобиль своего мужа и каким-то странным образом оказалась в доме Кукориных, где нашла свою гибель.

- Бабуль, ты бы не вмешивалась в расследование, не рисковала собой и своим здоровьем, - попросила ее Юлька, совершенно потерянная.

- Ты же знаешь, что переубеждать меня бесполезно.

Ее непреклонность немного взбодрила Юльку: если бабушка готова идти до конца, то она тоже не собирается сидеть сложа руки. Придется заново пережить сильную боль, до конца осознать, что твой самый близкий человек погиб здесь же, в поселке.

Судмедэксперт со знанием дела заявил: жертва скончалась от удара тяжелым предметом по голове. Выходит, мама умерла еще до того, как оказалась в подвале. Но это сомнительное успокоение.

Какой-то человек заманил ее в дом Кукориных, неожиданно напал, а потом сбросил бездыханное тело в подвал, зачем-то придавив вход тяжелым сундуком. Спрашивается, к чему такие сложности?

Еще до вынесения вердикта медика, Юлька предположила: чтобы жертва не смогла выбраться. После решила: чтобы особо любопытные, к примеру та же Павлина Марковна, соседка Кукориных, не обратили внимания на вход в подпол, не сунули туда свой любопытный нос и не обнаружили то, что видеть нельзя.

На что рассчитывал злоумышленник? Что его деяние не вскроется?

Новая хозяйка Злата Шевчук сообщила следующее: ни о каком подвале она знать-не знает, тем более, ей ничего не известно об останках. Ее слова нельзя подвергать сомнению. Во-первых, последний раз приезжала в поселок двадцать лет назад, что подтвердила Павлина Марковна, во-вторых, ни с кем из поселковых не была знакома лично, не считая все ту же Павлину Марковну.

Каким-таким чудесным способом мама телепортировалась из машины, за рулем которой сидел отец, в чужой дом на окраине поселка? – призадумалась Юлия, сидя у окна своей спальни.

«Веселый» давно окутала темная ночь. Серповидная луна пряталась за хмурым небом. Одинокий уличный фонарь прикрывала крона каштана. Каштан рос возле самого забора. Его посадил дедушка, когда родилась внучка. Бабушка настаивала на плодовом дереве, но дед ее не слушал, поступил по-своему. Каждую весну на каштане появлялись смешные рулики, вскоре рулики разворачивались и из них вылезали листочки. Листья росли, образуя в середине фитильки, которые превращались в «каштановые цветы» - так их в детстве называла Юлька. Так называет их и сейчас, при этом умиляется красоте, одновременно в душу закрадывается печаль: она вспоминает погибшего много лет назад дедушку, оставившего о себе память в виде красивого раскидистого дерева, успевшего за двадцать три года вырасти до небес.

В бабушкиной спальне скрипнула кровать. Конечно, бабуля мучается бессонницей, ее одолевают разные мысли, одна страшней другой. Перебирает в голове варианты того, что подвигло дочь покинуть автомобиль, кто принудил ее зайти в дом Кукориных. Никак не поймет, у кого поднялась рука на молодую женщину, которая никому зла не делала и не желала. Мама, вообще, была легким человеком.

Заскрипели полы. Бабушка пошла на кухню. Открылась дверца шкафчика.

Юлька выпорхнула из спальни.

- Бабуль, тебе плохо? – с тревогой в голосе спросила она.
- Просто хочу выпить валерианы, чтобы успокоиться и выгнать дурные мысли из головы. Надо хотя бы немного поспать, чтобы завтра...
- Что ж ты замолчала? Ты уже решила, чем займешься с утра?
- Внученька, давай завтра все обсудим...

Поднялись обе в шесть часов, несмотря на то, что у Юльки был выходной и можно было поспать подольше. Но не то сейчас время, чтобы нежиться в постели. Голова гудит от противоречивых мыслей и непонимания.

Авдотья Ипполитовна сама завела разговор, не дожидаясь вопросов:

- Я перебрала всех наших жителей...
- Искала среди них убийцу?

Авдотья нахмурилась – очень не хотелось найти злодея среди своих, поселковых. После паузы продолжила:

- Для начала хочу найти свидетеля. Сама подумай: наши сели в машину, доехали до трассы. Сразу за поворотом расположена автобусная остановка. На остановке люди появляются согласно графику движения пассажирского транспорта. В другое время на остановке почти никого нет. Стоят только те, кто о графике ничего не знает. Или те, кто надеется, что их подхватит попутка. К примеру, кто-то из жителей «Веселого» надумает ехать в город. Мимо остановки точно не проскочит и «голосующего» захватит. При условии, что в машине есть свободное место.

- В машине отца свободное место было, - вставила Юлька, выжидающе поглядывая на бабушку. Та пробормотала:

- И что нам это дает? Ничего... Все равно, что искать иголку в стоге сена.

- Надо хорошенько подумать.

- Что тут думать. Был один человек, который постоянно сидел возле остановки и мог предоставить нам нужные сведения. Это ныне покойная бабка Матрена. У нее огромный земельный участок с большим количеством плодовых деревьев. Начинала торговать с черешни, потом поспевала вишня, за вишней – абрикосы, потом ранние яблочки и так далее.

- Жаль, конечно, что бабка Матрена – не свидетель... Жаль, что ушла из жизни, - поправилась Юлия.
- Матрены нет, но есть ее внучка Лидочка, - осенило Авдотью.
- Если Лидка моя ровесница, то в ту пору ей было восемь лет.
- Она может что-то помнить.
- Сомневаюсь.
- Ты себя с ней не сравнивай. Ты была при родителях, взрослеть не спешила. А у Лидочки родители непутевые, потому она у бабушки и жила. А бабка над ней особо не порхала. На Лидке было все хозяйство. В школе она училась слабо, но всегда отличалась трудолюбием и взрослостью не по годам.
- Лида торговала фруктами вместе с бабушкой Матреной? И она могла что-то заметить?..

Через полчаса Авдотья Ипполитовна и Юлия входили во двор, где проживала Лида Шахворостова вместе с мужем Павлом и двумя малолетними детьми.

Лидия была невысокой пухлой женщиной с высокой грудью, длинными каштановыми волосами, сплетенными в косу, и большими карими глазами. Настоящая русская красавица. Муж достался ей под стать: здоровенный богатырь. С широкими плечами и кулаками-кувалдами. Супругу Павел боготворил, детей обожал. Юлька в тайне завидовала ровеснице Лидочке, которая умом не отличалась, но в жизни у нее все складывалось отлично.

А она, Юлька, неглупа и лицом неплоха, до сих пор не замужем и детишек нет. Что-то у них со Славиком не складывается...

Об особом интересе Степана Черноухова Юлия, естественно, догадывалась, хотя, он - ни словом-ни взглядом. Юльке Степан тоже нравился, но как человек, как старший товарищ. Как брат, наконец. Вовсе ни как мужчина. А Славик? Что с ним не так? Или с ней что-то не так? Раньше думала – любит. Теперь сомневается. Бабушка что-то замечает и говорит: ты бы со свадьбой не торопилась. Семь раз отмерь – один отрежь. Негоже выходить замуж, а потом жалеть и мучиться. В итоге расстаться врагами. Пусть друзьями, не это главное. Главное - позднее осмысление и разочарование.

Господи, о чем она думает?! Тут такие дела творятся, а она о своем, о личном.

Между тем, хозяйка пригласила гостей к столу. Разлила чай, подвинула свежее испеченную сдобу. Без улыбки – одно сочувствие на лице. С Юлькой они выросли вместе, только в отличие от Юльки Лидка не гоняла по улицам, а

занималась делом, хозяйством, чтобы угодить бабке Матрене. Та, чуть что не так, грозилась вернуть девочку пьющим родителям. Родители жили в городе, кое-как работали на обувной фабрике и редко навещали мать и дочь. Потом тихо ушли друг за другом - скончались от цирроза печени. Когда Лидочке стукнуло восемнадцать, Матрена тоже ушла вслед за непутевым сыном и невесткой. Дождалась совершеннолетия внучки. Лида продала городскую квартиру родителей. В риелтерской конторе познакомилась с будущим мужем Павлом Шахворостовым. Он влюбился в нее с первого взгляда и, не задумываясь, перебрался в поселок. Здесь Павел открыл в себе новые способности, занимается ремонтом автомобилей. Шахворостовы выстроили на участке новый дом, где живут в любви и согласии.

- Представляю, как вам тяжело, - посочувствовала Лидия Авдотье и Юлии. – Если вам нужна моя помощь, то обращайтесь...

- Нужна, - встряла Юлька.

Бабушка посмотрела на нее с укоризной и начала издали. Вспомнила былое – детство Лидочки, ее бабушку Матрену. Перешла на события пятнадцатилетней давности.

- Вот я и подумала, что ты, Лидочка, могла в тот день находиться рядом с бабушкой Матреной и видеть машину моего зятя Андрея Векшина. Я понимаю, столько лет прошло, но мало ли... Вдруг ты вспомнишь что-то важное. Может быть, кто-то из наших поселковых стоял на автобусной остановке, Андрей притормозил и подобрал этого человека.

- Вы подумали, что кто-то сел в машину вашего зятя, а Ольга разозлилась и вышла? – задумчиво протянула Лидочка. Потом внимательно посмотрела на Авдотью, как будто та являлась ключом к разгадке.

Авдотья и Юлия поглядывали на нее с напряженным ожиданием и неуверенной надеждой.

– А ведь Ольга и впрямь разозлилась, - прищурившись, произнесла хозяйка дома, неожиданно хлопнув ладонью по столу. Гости вздрогнули.

- Ты ничего не путаешь? Это точно случилось в тот злополучный день? – уточнила Юлька.

- Погоди, сейчас я постараюсь восстановить тот день в памяти, - протараторила Лидочка Шахворостова. - Бабушка Матрена торговала на трассе фруктами. На своем обычном месте, возле автобусной остановки. У нее

закончились сливы, и она отослала меня в поселок. Сливы в тот год уродились на славу...

- Давай о сливах потом, - попросила Юлька.

- Ой, сейчас я рассказываю не о том дне, когда случилась трагедия, а о дне накануне. Мне кажется это важным.

- Продолжай, - кивнула Авдотья.

- Итак, Матрена послала меня за сливами. Я собрала целое ведро и привычно приладила ведро на багажник своего старенького велосипеда, села на велик и поехала. И тут заметила тетю Олю и дядю Андрея. Они оживленно о чем-то спорили, заметили меня и замолчали. Я всегда отличалась любопытством, поэтому, чуть отъехав, затормозила, слезла с велика и сделала вид, что у меня съехала цепь.

- А они? - спросила Юлия.

- отошли подальше и продолжили свое бурное обсуждение. Думали, что я ничего не услышу.

- А ты услышала, - без укоризны заметила Юлька.

- О чем шел разговор? – поинтересовалась Авдотья Ипполитовна.

- Тетя Оля грозила мужу разводом. Она так и заявила: Андрей, я не стану терпеть. Ты должен сделать выбор между мною и ею.

- У папы кто-то был? – насупилась девушка.

- Тетя Оля говорила о шашнях мужа с... Катей. А он, Андрей то есть, уверял, что его оговаривают злые языки. А тетя Оля ему: я своими глазами видела, как ты ее тискал во дворе... Кукориных, - обалдело обведя глазами присутствующих, выделила Лидочка знакомую фамилию.

- Кто такая Катя? – спросила Юлия. – Я знаю только одну Катю – Катю Любимову, только ей уже сто лет.

- Кому Катя, а кому Екатерина Филимоновна, - автоматически поправила Авдотья, хмуро взирая в никуда. Если сказать, что новость ее удивила – то ничего не сказать. Вот тебе и наблюдательность, вот тебе и логика, которая то включается, то глохнет в самый неподходящий момент.

- Так кто такая Катя, к которой моя мать приревновала отца? - повысила голос внучка.

- Была здесь одна такая... Катерина Жаркова. Зоотехник-практикантка, - высказала осведомленность Лидка. – Из родных у нее никого – в детдоме выросла. Сама из себя не видная, но мужики на нее слетались, как пчелы на мед. А она никому не отказывала. Так про нее моя бабка Матрена говорила. И не только Матрена. Когда она уехала из поселка, все женское население вздохнуло с облегчением.
- Получается, что мой отец и эта Катя... состояли в любовной связи? – пробормотала Юлия. - Мама своими глазами видела их во дворе Кукориных? Что ее занесло в заброшенный дом? Неужели следила за ними?
- Конечно, следила, - согласно кивнула Лидочка. - Все жители поселка знали, где покойные Кукорины хранили ключи от дома. Могу предположить, что дом посещали влюбленные парочки.
- Лида, ты не можешь ничего помнить – столько лет прошло! – взвилась Векшина. – И тебе было всего восемь!
- Верь – не верь, в правду никуда не спрячешь, - брякнула хозяйка дома, после чего обратилась к Авдотье, - я ничего не придумываю, так все и было, а вам делать выводы.
- У тебя нет причин сочинять небылицы. А что касается отношений Андрея с Жарковой, то я не удивлена. Просто не хотела замечать очевидные вещи.
- Ба, ты о чем?
- О том, что брак твоих родителей трещал по швам, но вины Жарковой в этом не было. Разлад начался гораздо раньше. Дело прошлое, но я вынуждена признать, что моя дочь была несчастлива в браке с Андреем. Ольга никогда мне не жаловалась, но никаких слов не нужно, чтобы обо всем догадаться. Когда между супругами нет любви, о чем еще говорить. Одно не пойму и никогда не приму - зачем ставить мужа перед выбором, принижая собственное достоинство. Тебя предали, а ты уговариваешь...Впрочем, моя трибунная речь совершенно неуместна.
- Ты высказалась, чтобы я тебя услышала и приняла к сведению, - со вздохом констатировала догадливая внучка.
- Я вспомнила, что накануне трагедии, в тот день, о котором говорит Лидочка, Оля с Андреем куда-то исчезли. Отсутствовали долго, когда вернулись, друг на друга старались не смотреть.

- Я же говорю – выясняли отношения, - хмурясь, вставила Лидочка. – Говорили о той самой Кате Жарковой.
- Тогда выходит, что на остановке стояла она? Катя? – уточнила Юлия.
- Выходит так. Андрей остановил машину, хотел ее подвезти до города, Оля рассердилась и выскочила из машины. В противном случае осталась бы в салоне.
- Так все и было! – воскликнула Лидка и на этот раз хлопнула ладонью себе по лбу. – Я вспомнила!
- Лида, это очень важно для нас! - предостерегла ее Авдотья Ипполитовна.
- Да, да, я точно помню, как я сидела возле бабушки Матрены на пустом перевернутом ведре и лузгала семечки. «Жигули» дяди Андрея вырулили на трассу. Сначала машина проехала мимо остановки, потом резко затормозила и сдала назад. На остановке сидела одна Катя. Дядя Андрей ей посигналил. Она подошла к машине, склонилась к окошку с пассажирской стороны. Я увидела Константина Михайловича Земцова, - Лида покосилась в сторону Авдотьи, чтобы проверить реакцию на ее слова. Та сидела с каменным лицом. – Тетю Олю я вначале не заметила, она сидела сзади, сразу за водителем. Наверное, дядя Андрей предложил Кате подвезти ее до города, но как только Катя села на заднее сиденье, с другой стороны тут же пулей вылетела тетя Оля.
- Катя заранее сговорила с отцом. Специально сидела на остановке и поджидала, когда они проедут. Ведь поездка планировалась заранее. Так, бабуль?
- Да, поездка планировалась заранее. И приблизительное время тоже было известно, - рассеянно ответила Авдотья.
- Бывают же такие люди, - процедила сквозь зубы Шахворостова.
- Выходит, Оля выскочила из машины и... В какую сторону она пошла? – обратилась Земцова к Лиде.
- Тетя Оля... она... – задумчиво протянула та, пытаясь вспомнить. – Она перебежала на другую сторону проезжей части, и стала «голосовать». Что было дальше, я не видела. Из машины вышел покупатель, я принялась его обслуживать. Но могу предположить, что тетю Олю подобрал автомобиль, потому что через пять минут, когда я освободилась, ее уже не было.
- Оля собиралась вернуться в поселок, значит, она села в машину к кому-то из знакомых.

- А этот знакомый довез ее до дома Кукориных и... расправился, - еле слышно произнесла Юлия.
- Вы меня извините, - покаялась Лида, - я совершенно забыла о том, что тетя Оля покинула автомобиль, что вместо нее в машине осталась эта Катька Жаркова. Вот сразу же забыла, через минуту.
- Что с тебя взять – тебе было всего восемь, - брякнула Юлия.
- Лидочка, может быть ты зацепила взглядом автомобиль, который свернул в сторону «Веселого»? – спросила Авдотья Земцова. – Тогда забыла, а сейчас напряжешь память и вспомнишь, а?
- Я не помню, - огорченно пробормотала Лида после паузы.
- Странно, что ты вообще вспомнила об увиденном пятнадцать лет назад, - в свою очередь обронила Векшина.
- Вы меня, конечно, извините за вопрос, но я обязана спросить: Авдотья Ипполитовна, у вашей дочери был... дыхатель? Вдруг он вовремя ей подвернулся...
- Догадываюсь, куда ты клонишь, - напряженным голосом заявила Юлька, - мама загорелась желанием отомстить отцу-предателю. С кем? С бывшим дыхателем, который направлялся в поселок, заметил маму и предложил ее подвезти. По дороге они вспомнили молодость, не сговариваясь, рванули в сторону дома Кукориных, имевшего славу местного притона.
- Юля, угомонись! – рявкнула на нее бабушка. – Я понимаю, тебе тяжело, но прошу тебя не произносить того, о чем после пожалеешь.
- Прости, ба. Прости.
- Даже если и так, но зачем ему убивать тетю Олю? Он же не маньяк, - рассудила Шахворостова.
- Ба, чего ты молчишь?
- Предположим, вы обе правы. Допустим, Оля совершила необдуманный поступок.
- Получается, что у мамы... в прошлом был мужчина, который подвернулся ей на дороге... С первым встречным она бы... точно не стала изменять отцу. Из чего можно заключить: у нас есть шанс вычислить этого человека. Вся надежда на тебя, ба.

- Ты хочешь услышать из моих уст подтверждение? То, что у женщины до замужества был другой мужчина, нет ничего удивительного. Встречалась с одним, замуж вышла за другого.

- Ба, что-то ты крутишь. Можешь назвать его имя?

Авдотья продолжила сухим канцелярским языком, как будто речь шла о ком-то постороннем, но ей так было гораздо легче:

- Согласно заключению судмедэксперта, незадолго до смерти у жертвы был половой контакт...

- Неужели возможно установить ЭТО через пятнадцать лет?

Авдотья никак не отреагировала на слова внучки.

- По всему выходит, что Оля была в доме Кукориных... со старым знакомым.

- И этот старый знакомый воспользовался ее состоянием, после чего жестоко расправился. Ты сейчас назовешь нам его имя, мы пойдем в полицейский участок и потребуем от Черноухова его задержания! – взвилась Юлька. - Пусть преступник отвечает за содеянное по всей строгости закона!

- Он обязан сказать нам правду, но... он не мог убить твою мать.

- С чего вдруг такая уверенность?!

- Потому что...

- Развернутый ответ, - хмыкнула Юлия.

- У него никогда не поднялась бы рука на мать своего ребенка, - выпалила Авдотья Ипполитовна и зажмурилась.

- Я... не поняла... Ба, что ты хочешь этим сказать? - с трудом проговорила внучка.

- Я хочу сказать, что твоим биологическим отцом был не Андрей Векшин.

- Ба, ты бредишь?

- Юля, как ты с бабушкой разговариваешь! – возмутилась Лида.

- Я думала, эта тайна уйдет вместе со мной в могилу... При условии, что ты, Юля, откажешься от своего безумного желания.

- Ты имеешь в виду мое желание выйти замуж за Славку Трутнева? Значит, моим биологическим отцом является Ролан Трутнев? Разве подобное возможно?

- Когда моя дочь выходила замуж за Андрея Векшина, она уже была беременна от другого человека... Да, от Трутнева.
 - Теперь мне становится понятной твоя неприязнь к Славке.
 - В качестве твоего жениха, - уточнила Лидия. И спросила у Юли, - ты очень расстроилась?
 - Пока не осмыслила новость до конца. В голове не укладывается, что мы со Славиком – брат и сестра по отцу.
 - Что бог не дает, все к лучшему, - со знанием дела заключила Шахворостова.
 - Бабуль, раз ты сказала, что у Трутнева никогда не поднялась бы рука на мать своего ребенка, хотя, в жизни бывали подобные случаи, то получается, что он знал, что я его дочь. Тогда почему не рассорил нас со Славкой? Ждал подходящего момента?
 - Я просила его ничего тебе не рассказывать. Пусть Андрей Векшин остается твоим родным отцом. Трутнев мне обещал. И еще обещал «всё устроить». Так и заявил, дав понять, что не допустить вашего брака.
 - У меня был и будет один отец - Андрей! И других мне не надо! И Славик этот сто лет мне сдался! – не на шутку разошлась Юлия. Отдышавшись, добавила уже спокойнее, - я его никогда не любила так, как нужно было любить. Как положено. Наверно, любила как брата.
- Лида выслушала одну и другую, что-то обдумала, затем решила высказаться:
- Авдотья Ипполитовна, если Ролан Трутнев был в доме Кукориных вместе с вашей дочерью, то, в отличие от других, знал, что она не могла погибнуть в машине вместе с мужем и отцом. Знал, но промолчал. Как бы вы не уверяли нас в его невиновности, но... Юлька права. Когда поселок облетела новость о трагедии, он облегченно выдохнул – как все удачно для него сложилось!
 - И спокойно жил все пятнадцать лет, - вставила Юлия. – Не стыдился смотреть в глаза мне и бабушке.
 - Девочки, я согласна, его поведение вызывает подозрение.
 - Подозрение? – удивилась внучка. – По нем давно тюрьма плачет!
 - Вот-вот! – поддержала подругу Лидочка.
 - Де-воч-ки! Я обещаю вам во всем разобраться. Осудить человека проще простого, труднее докопаться до истины.

- И что ты собираешься предпринять?
- Сейчас я позвоню Степану Черноухову, пусть пригласит к себе в участок Трутнева для обстоятельного разговора... В моем присутствии, естественно...

Трутнев прибыл через пятнадцать минут после телефонного звонка участкового уполномоченного Черноухова. Видимо, Ролан догадался, о чем пойдет речь, поэтому с порога заявил, что готов обо всем честно рассказать.

Случилось все так, как предположила Авдотья. Ролан подобрал на трассе Ольгу и повез ее в поселок. Потом они оказались в доме Кукориных. Спустя некоторое время, Ролан покинул временное любовное гнездышко, оставив Ольгу одну.

- Почему Ольга не ушла вместе с вами? – спросил Степан Степанович.
- Во-первых, соблюдала конспирацию, во-вторых, как она сама объяснила, хотела успокоиться и собраться с мыслями. Прийти в себя.
- Из чего следует, что о своем... хм... порыве она успела пожалеть, - высказался участковый.
- Не могу этого отрицать.
- Гад ты, Ролан, - набросилась на него Авдотья, - воспользовался тем, что Ольга была ни в себе после размолвки с мужем.
- Я не стану оправдываться, - спокойно парировал Трутнев, - но могу сказать одно: наше внезапное... общение стало неожиданностью для нас обоих, для Оли – особенно. После того, как она вышла замуж за Андрея, мы с ней почти не виделись и не общались. Оля избегала меня, а я не хотел мешать ее счастью с другим мужчиной.
- Избегала! – возмутилась Земцова. - А ты не подумал, почему она тебя избегала?! Она не хотела видеть твою физиономию!
- Да, я очень виноват перед Олей, - понурился Ролан Тимофеевич.
- Виноват он! Ты ее предал! Ты отказался жениться на ней, выбрал себе другую, с приданным. А ведь знал, что Оля носит под сердцем твоего ребенка!
- снова набросилась на него всегда сдержанная Авдотья.
- Не знал я ничего!

- Ага, не знал он!
- Клянусь!
- Тогда в чем ты чувствуешь свою вину?
- Мы немного повздорили, на следующий день я пришел мириться, а Оля заявила, что не желает иметь со мной ничего общего. В общем, слово за слово, мы разругались вдрызг. Я психанул, в отместку начал встречаться с другой... О ребенке я ничего не знал. Оля гордая... была. Не хотела, чтобы я женился на ней по залету. Об этом сообщила мне в тот день. Последний день ее жизни.
- Можно подумать, ты ни о чем не догадывался, - более сдержанно обронила Земцова.
- Как сказать. Я заметил некое сходство Юли со мной. Подкараулил Олю и спросил напрямую. Она покрутила пальцем у виска и заявила, что я выдаю желаемое за действительное, только причина ей не ясна. Сама высказала предположение, что я несчастлив в браке и хочу ее вернуть таким странным способом. И, в отличие от меня, у нее всё прекрасно, они с мужем любят друг друга, и Юлечка их общая дочь.
- Выходит, именно от Ольги вы узнали, что Юлия - ваша дочь. И произошло это в день убийства? - уточнил участковый уполномоченный.
- Вы на что намекаете?! Что я в сердцах расправился с ней?! Ну, знаете, у меня нет слов! - развел руками Трутнев. - Я всегда любил Олю. Я не мог причинить ей вред. В тот день я говорил о своей любви, обещал развестись с женой... Когда узнал об аварии, то подумал, что Оля каким-то образом снова оказалась в машине вместе с мужем и с отцом. На всякий случай вернулся в дом Кукориных: вдруг она оставила... какой-то знак. Я не нашел ничего, никого намека, что там кто-то был.
- Ролан Тимофеевич Трутнев, мне придется взять у вас подписку о невыезде. Пока идет следствие, никуда не выезжайте из поселка.
- Ролан, твоя жена могла узнать о вашем свидании в доме Кукориных? - спросила Земцова, сверля его рентгеновским взглядом.
- Она лежала на сохранении. А через две недели родила второго ребенка.
- Лучшего алиби не придумаешь, - со вздохом заметила Авдотья. Когда она уверяла внучку в невинности Ролана, она не лгала. Но очень надеялась, что в результате разговора ей удастся ухватить за край нити и размотать клубок. Увы.

Когда Трутнев вышел, хозяин кабинета принялся высказывать соображения:

- После того, как Ролан покинул дом Кукориных, Оля осталась одна. Преступник знал об этом, он зашел и набросился на нее. Потом не нашел ничего лучше, как спрятать тело в подвале. На крышку задвинул сундук, чтобы никто не обратил внимания. Вероятно, преступник рассчитывал вернуться ночью и похоронить свою жертву. Однако он не вернулся по причине, известной ему одному. Или вернулся, но ему что-то помешало.

- Преступник мог вернуться через день, через два. Через неделю. Однако тело моей дочери оставалось в подвале до недавнего времени. Отсюда вывод: вскоре после совершенного убийства преступник сам отправился в мир иной. Туда ему и дорога. Однако, жаль, что он не понес заслуженного наказания. Надеюсь, его хорошенько поджарили в аду на сковороде, - без особых эмоций проговорила пожилая женщина.

- Или у него не хватило сил вытащить жертву из подвала, - негромким голосом выдал свою версию Черноухов. Авдотья Ипполитовна услышала и изумленно приподняла брови. А мужчина продолжил более уверенно, - он пытался перенести тело, скрыть следы своего преступления, но у него не вышло... по ряду причин: убил сгоряча, опомнился и не хотел снова видеть... то, что видеть не вмоготу. Или решил, что шуровать в доме Кукориных никто не станет, тем более, рыскать по подвалу, вход в который в глаза не бросается, значит, все останется шито-крыто. Он успокоился. Никак не думал, что спустя пятнадцать лет в доме появится молодая хозяйка с грандиозными планами. Причем появилась она неожиданно, без всякого предупреждения.

- Как Злата могла предупредить, если ни с кем из наших связь не поддерживала?

- В принципе, она могла заехать на пару часов, чтобы проверить свое наследство, рассказать о планах на будущее, и отбыть на какое время, которого преступнику было достаточно, чтобы спрятать концы в воду.

- Ну, да, она могла пообщаться с той же Павлиной, а та растрезвонить новость по всему поселку. У нас всегда так – знает один, знают все... Как она тебе?

- Павлина?

- Не прикидывайся. Я говорю о Злате.

- Она точно не причастна к убийству.

- Знать бы, кто причастен.

- Я несколько раз разговаривал с Павлиной Марковной Ефименко. Рассчитывал, что она что-то вспомнит о том пресловутом дне. Говорит, никого не видела, ничего не слышала.
- Степа, что ты намерен предпринять?
- Пока не знаю, Авдотья Ипполитовна. А у вас есть какие-то мысли?
- У тебя есть детектор лжи? – вопросом на вопрос ответила Земцова, ошарашив участкового уполномоченного.
- Нет, конечно. Но в районе есть.
- Впрочем, какая разница: для человека несведущего любые электронные устройства с проводами и экранами вселяют ужас. А если сказать, что любой неверный ответ фиксируется и за это придется ответить, но это... уже кто что.
- Что вы задумали, Авдотья Ипполитовна? Хотите подвергнуть испытанию всё население поселка?
- Степа, не обращай на меня внимания, сама несу не пойми что... - пробормотала женщина. - Надо хорошенько всё обмозговать. Еще одна бессонная ночь и, надеюсь, мы найдем убийцу моей дочери... Степ, скажи, а можно после эксгумации установить личность погибшего несколько лет назад человека?
- Вы хотите убедиться, что вместо Ольги в могиле похоронена Екатерина Жаркова? – Авдотья кивнула. – Можно, сравнив ДНК неизвестного с ДНК предполагаемых родных. Но, как я понимаю, это весьма проблематично: Катя выросла в детском доме.
- Человеку при исполнении и при определенном документе могут предоставить данные о биологической матери. Или об отце, - заметила Земцова.
- Можно пойти другим путем: если в доме, где проживала Жаркова, сохранились какие-то ее личные вещи. Расческа или зубная щетка. Или что-то еще, по чём можно провести экспертизу. Но вероятность, как вы понимаете, ничтожно мала.
- Степа, ты многого не знаешь о жителях нашего поселка.
- Куда вы клоните?
- Жаркова квартировала в доме Авоськиной. В ту пору ей было под восемьдесят, а сейчас – сам можешь подсчитать...

- Никогда бы не поверил, выглядит она лет на двадцать моложе.
- Гены! Ее мать дожила до ста одного года, правда, отец умер рано – ему было всего шестьдесят с хвостиком. Но речь идет не об Авоськиной, у которой могли сохраниться личные вещи Жарковой.
- О ком же?
- По соседству с Авоськиной проживает один неприятный субъект – Леонид Якушев. Ему что-то около пятидесяти, а тогда было тридцать пять или чуть меньше. Якушев никогда не был женат, всю жизнь прожил вдвоем с матерью. Мать и по сей день жива, одна проблема у нее – ноги плохо ходят. Ее сын Леонид Якушев... страдает некими... отклонениями.
- Говорите прямо, Авдотья Ипполитовна!
- Леонид... фетишист, - сообщила, понизив голос. - Он ворует с веревок женское белье. Иногда тайно проникает в дома, копается, в прямом смысле, в грязном белье.
- Степан поморщился и подвигал носом.
- Почему мне не поступало ни одной жалобы? – спросил он.
- Он же безобидный.
- То есть, всем известно, что Леонид промышляет воровством нижнего белья, и все молчат.
- Степа, я очень надеюсь, что Якушев поможет нам установить личность погибшей женщины, которая находилась в автомобиле моего зятя.
- С чего бы Якушеву хранить грязные трусы Жарковой?
- Фетишизм – своего рода маньячество, но безобидное. Любой маньяк бережно хранит вещи своей жертвы, которые он забрал с места преступления...
- Авдотья Ипполитовна, вы меня пугаете своей осведомленностью, - нахмурился капитан полиции.
- Степа, а ты думал, я читаю только высоко художественную литературу? А вот и нет, я большая поклонница детективного жанра. Не стану утверждать, что психически нездоровый Якушев, который выглядит как вполне здоровый, но зажатый и неразговорчивый, станет вести себя согласно установленным маньяческим привычкам, но я на это очень надеюсь. Заметь, любой маньяк, чтоб у него руки отсохли и другие части тела, педант.

- Это вы к чему клоните?
- А к тому, мой дорогой Степа, что каждый предмет, прихваченный с места преступления, лежит у этого изверга рода человеческого в определенном месте, и ему доподлинно известно, кто обладатель той или иной вещи.
- Для меня важно установить третью жертву автомобильной аварии пятнадцатилетней давности.
- Я тоже хочу докопаться до правды. То, что сообщила Лидия, я не подвергаю сомнению, но Катя Жаркова могла покинуть автомобиль до трагедии, а на ее месте мог оказаться кто-то еще.
- В этом случае мне придется искать третью жертву среди бесследно пропавших пятнадцать лет назад...

Но всё вышло гораздо проще. Земцова оказалась права на сто процентов.

После напора участкового Черноухова Леонид Якушев быстро расстался с недовольством и выдал трусы Екатерины Жарковой. Предмет нижнего белья он выкрал прямо из дорожной сумки, когда Катя спешно собиралась в дорогу. Она отлучилась из комнаты, а Леонид проник через окно, покопался в сумке, вытащил то, что его сильно заинтересовало, и вышел тем же путем. Катя вернулась в комнату, закрыла сумку, попрощалась с хозяйкой и потащилась на трассу, к остановке автобуса...

После эксгумации и проведения экспертизы, было установлено: останки принадлежат Екатерине Жарковой.

Теперь предстояло вплотную заняться поисками убийцы Ольги Векшиной...

Павлина Марковна Ефименко появилась в поселке много лет назад. Местный житель Владимир Ефименко проходил службу в рядах Вооруженных сил на Украине. Там познакомился с местной жительницей Павлиной, черноглазой статной красавицей, женился и привез ее на свою родину. Жили Ефименко дружно, но деток не завели. У Павлины была старшая сестра, которая скончалась в молодом возрасте от инсульта. Муж сестры от горя запил, потом оказался с белой горячкой в психиатрической клинике, где тихо ушел из жизни. Их единственного сына Ромку забрала к себе тетка. Мальчику в ту пору исполнилось семь. Здесь же в поселке он пошел в первый класс. Не сказать, что Ромка был полным дураком, скорее, умственно-отсталым. Поэтому остался в первом классе на второй год. Остался бы и на третий, но

его перевели в интернат для таких же, как он, ребят. На выходные и на каникулы Павлина забирала Ромку домой. Рос мальчик тихим и беспроблемным. До тех пор, пока не подошел к определенному возрасту. Повзрослевшего Ромку вдруг сильно заинтересовал противоположный пол. Сначала пацаны его лупили - чем дальше, тем сильнее. Ромка отсиживался дома и вновь принимался за старое. Однажды один папаша чуть не совершил самосуд, когда Ромка хотел изнасиловать его несовершеннолетнюю дочь. Ромку задержали, провели судебно-психологическую экспертизу. Полгода лечили, затем семнадцатилетний парень вернулся в поселок. Неизвестно, чем бы дело закончилось, но Ромка покончил жизнь самоубийством – повесился в сарае.

Произошло это за пару недель до трагедии в семье Авдотьи Земцовой.

Местные жители тогда долго обсуждали: что за череда подозрительных происшествий в поселке, кто следующий... Но потом успокоились и забыли, кроме, естественно, родственников погибших.

Авдотья Земцова вспомнила об этом вопиющем происшествии с Романом неслучайно: она пыталась восстановить события, предшествовавшие личной трагедии. Женщина искала причины, побудившие преступника расправиться с ее дочерью. Авдотья никогда не поверит, что в заброшенный дом Кукориных пришел маньяк-убийца в поисках очередной жертвы. В поселке отродясь не было маньяков-убийц, это раз. И второе: маловероятно, что Ольгу выследил кто-то из местных с пагубными пристрастиями. По всему выходит, что Ольга стала неслучайной жертвой, из чего следует: потенциальный убийца ее опасался. Почему? Что-то о нем знала?.. Он ее выследил, зашел в дом, Оля не попыталась сбежать, потому что не могла предположить, что тот пойдет на крайние меры.

Кто мог видеть Ольгу и Ролана, входящими в дом Кукориных? На ум сразу приходит Павлина Ефименко.

Павлина утверждает, что никого не заметила – не до того ей было. Это и понятно: совсем недавно погиб приемный сын. Павлина испытывала косвенную вину за его гибель: не досмотрела, не вмешалась, не уговорила пройти очередной курс лечения...

С появлением в доме Ефименко мальчика по имени Роман в семье начался разлад. Павлина много времени уделяла племяннику-сироте, а муж, любивший супругу беспредельно, начал ее ревновать к новому жильцу. При всей своей умственной неполноценности Ромка обладал изощренной

хитростью: при каждом удобном случае прикидывался немощным, чтобы тетка сосредоточила на нем свое внимание, тем самым способствовал укреплению недовольства главы семьи, которого семилетний пацан сразу невзлюбил. Надо признать, глава семьи платил тому его же монетой.

Павлина никакого подвоха не замечала, целиком растворялась в сироте. Наблюдательная Земцова не выдержала, как-то подловила Павлину на улице и предупредила: дескать, все ясно, на руках несчастный мальчик, но негоже забывать о муже. Ефименко отреагировала примитивно-предсказуемо: у Владимира что, есть другая? Если так, то вы обязаны назвать ее имя. Авдотья Ипполитовна ответила, что ей сие неведомо. Павлина заявила: в этом случае не надо наговаривать на порядочных людей, и, вообще, муж ее любит и никогда не бросит!

Как-то Владимир Ефименко оказался в районном центре по своим делам, там повстречал бывшую поселковую, свою одноклассницу, вскоре завязался любовный роман. В итоге Ефименко развелся с женой и перебрался в райцентр к бывшей однокласснице, которая жила безбедно – директорствовала в заводской столовой.

Надо отдать мужчине должное – терпел он выкрутасы Ромки долго, ушел из семьи за год до смерти приемного сына. Ушел и не вернулся, когда Ромки не стало. Посчитал подобное поведение неэтичным по отношению к новой супруге, которая уже носила под сердцем их первенца.

Бывший муж приехал на похороны Романа, очень поддержал Павлину. Та рассчитывала, что Владимир вернется. Но ее надежды не оправдались.

Последствия не заставили себя долго ждать – здоровье Павлины были подорвано. Женщина оказалась на больничной койке. Владимир часто навещал бывшую супругу, вел с ней долгие разговоры: надо держаться, жизнь на этом не заканчивается. И все в таком духе. Павлина воспрянула духом, размечталась о счастье с прежним мужем, который утаил от нее скорое пополнение в новой семье. Однако мужчина походил-походил, поговорил-поговорил, на этом дело и закончилось. Даже на выписку не пришел. Павлина затаила злобу на Владимира.

Говорят, время лечит, но не в случае Павлины Ефименко: ненависть к Владимиру стала смыслом ее жизни. Даже трагедия с Романом растворилась в этой не проходящей злости. И спустя пятнадцать лет женщина не забывает отпускать колкости в адрес бывшего, проклинать почем свет. Невзирая на

«добрые» пожелания, Владимир Ефименко счастливо живет в новом браке, где успели родиться трое малышей.

При всей своей болезненной настроенности на одного человека, в принципе, Павлину все считают неплохим человеком, отзывчивым и добрым, с небольшим уточнением: когда речь не заходит о Владимире...

Сейчас, после страшной находки в подвале дома Кукориных, воспоминания пятнадцатилетней давности тяжелым грузом навалились на Ефименко. Авдотья Земцова переживала за ее здоровье, уговаривала лечь в больницу, но та наотрез отказывалась. Местный фельдшер каждый день навещал Павлину. Забегала и Авдотья Ипполитовна. Ефименко с трудом терпела визитеров, но свои мысли не озвучивала.

В один из дней Земцова заговорила о последнем дне жизни дочери. И еще раз попыталась выяснить, кого могла видеть Павлина возле дома Кукориных. Павлина задумалась, затем сказала:

- Так меня дома-то не было. Вспомни, я тогда лежала в больнице.

Авдотья что-то прикинула в голове и согласно кивнула.

Получается, Ефименко ей в этом деле не помощник.

Земцова закрылась в четырех стенах, «раскладывала мысли по полочкам». Однако ни одна подсказка голову не озарила.

Однажды заглянул сосед, редкий гость в последнее время.

Кузьма Иванович вежливо поздоровался, придирчивым взглядом окинул Авдотью, и признался:

- Волнуюсь я за тебя, душа моя.

«Душой моей» он называл ее еще в пору девичества. Авдотья не подала вида, что крайне удивлена или раздосадована очередным переходом на скользкий перешеек в сторону вечной любви. Предложила гостю чаю с пирогами. Ее поддержала внучка Юлия, которая частенько заводила разговор о влюбленном соседе, намекая на свое уважение к его преданному чувству. Бабушка подобные разговоры пресекала. Юлька парировала: вот выйду замуж, перееду к мужу, а ты останешься одна. Естественно, в сердцах говорила: о родном человеке внучка никогда не забудет, даже если переедет за тридевять земель. Станет звонить по нескольку раз в день и вести допрос с пристрастием.

Авдотья рассчитывала, что Юлька выйдет замуж за местного парня. В последнее время к ней проявил некогда скрываемый интерес близкий друг Славки Трутнева, Олег Совиных. Теперь, когда всё встало на свои места и разобрались в семейных связях, Олег пошел в наступление по всем фронтам. Авдотья заметила, что Юлька благосклонно относится к парню. Выходит, Черноухову снова не повезло. И теперь не повезло прочно.

Впрочем, насчет невезучести Степана Черноухова «бабушка еще надвое сказала»: Земцова заметила, какими взглядами обмениваются Степан и Злата Шевчук. Злата сразу сообщила, что между ней и мужем давно «пробежала черная кошка», что она давно задумывалась о расставании, но не находила в себе сил и вот теперь, наконец, она исполнит свою мечту и станет свободной...

У Черноухова вертелся на языке вопрос: что подвигло молодую женщину на этот решительный шаг - пойти на разрыв с мужем, с которым прожила энное количество лет, но он, естественно, промолчал, лелея надежду, что именно он стал тому причиной.

Неожиданно Степан избавился от прежнего наваждения, приносившего одни переживания. Да-да, Степан расстался со своей несбыточной мечтой в образе Юлии и впустил в сердце новое чувство.

Новая хозяйка обосновалась в доме предков, Викентий отбыл домой и больше не появлялся. Каждое утро Злата уезжала на работу в город, а вечером возвращалась. Как по сигналу на пороге тут же появлялся участковый уполномоченный капитан полиции Черноухов с важной миссией - «поговорить о деле». «О деле» они беседовали до полуночи, потом еще час-другой стояли у калитки. И вид у обоих вполне себе счастливый, несмотря на произошедшие события.

Авдотья за влюбленными не следила, своими наблюдениями с ней поделилась внучка Юлька, которая пропадала по ночам невесть где. Главное – бабка знает, с кем: с надежным парнем с серьезными намерениями. Бабка только «за»! Всё правильно, жизнь продолжается.

У Авдотьи своя миссия – найти убийцу дочери. И она уверена, что найдет, потому как убийца где-то рядом. Он свой, местный, он неприметный...

Авдотья погрузилась в свои мысли и забыла о госте, который угощался пирогами, пил чай, но не забывал озабоченно вздыхать – выразить сочувствие.

Когда хозяйка очнулась и осмысленно взглянула на Кузьму, тот решился высказать то, за чем пришел.

- Авдотья Ипполитовна, я за тебя волнуюсь.

- Почему же не «душа моя»? – неожиданно для самой себя хмыкнула Земцова.

- Но тебе же не нравится...

- А ты попробуй...

- Душа моя, я не нахожу себе места от переживаний, - без намека на игривость проговорил Кузьма Подопригора.

- С чего вдруг ты решил, что мне грозит опасность?

- Как только преступник поймет, что ты на него вышла – а он совсем не дурак, догадается, то захочет тебя устранить... У него нет другого выхода, придется пойти на всё, чтобы остаться на свободе. Я прав?

- Прав, - нехотя согласилась хозяйка.

- За пятнадцать прошедших лет он успокоился. И вдруг – находка в подвале. Он сейчас на низком старте и ждет сигнала.

- Сигнала?

- Сигнала, который дашь ему ты.

- Кузьма, я тоже не лыком шита.

- Бесспорно, ты серьезный для него соперник, но сути дела это не меняет. – Кузьма покосился в сторону двери, которая недавно закрылась за Юлькой, решившей оставить парочку наедине, и проговорил, - о себе не думаешь, подумай о внучке... - Подумав, добавил еле слышно, - и обо мне... хотя бы чуть-чуть. Понимаю, я тебе совсем безразличен...

- Почему же, - передернула плечами женщина, не дав ему продолжить. – Но сейчас я не хочу обсуждать тему наших отношений, но обязательно к ней вернусь, когда найду убийцу дочери... И не отговаривай меня!

- Бесполезное занятие, - выдохнул мужчина. - Только прошу тебя быть хитрее...

- Я никогда не была «открытой книгой», - парировала Авдотья.

Заметно повеселевший Кузьма, у которого появился шанс, заявил:

- Я в полном твоём распоряжении. Говори, что я могу сделать?

- Кузя, ты никогда не страдал провалами в памяти, даже в наши... преклонные годы ты помнишь все мелочи. Что уж говорить о прошлом, когда давно позабытое вдруг всплывает в мелких подробностях.

Кузьма «проглотил» преклонные годы.

- Лидочка Шахворостова много чего вспомнила такого, что помогло нам установить личность третьего погибшего... И не только...

- Мне обо всем известно. Юля рассказала. Ты ее не ругай, душа моя, она видит во мне надежного друга, вот и захотела поделиться. И поплакаться, чего уж скрывать: новость о настоящем отце стала для нее... неприятной.

- При всем большом желании, мы не могли от нее ЭТО скрыть... - Авдотья опомнилась, - а когда вы успели с Юлькой подружиться?

- Давно. Нас сблизила любовь к одному человеку.

- Кузьма!

- Я молчу.

- Вот и молчи. Я поставила перед тобой задачу, а ты...

- Я понял, ты хочешь, чтобы я вспомнил: что я мог заметить необычного пятнадцать лет назад, но не обратил должного внимания.

- Что-то, связанное с моей Олей.

- Это понятно... А ты сама ничего не вспомнила?

- Увы. Будто бы все было как обычно, не считая ее натянутых отношений с мужем. Но я подумала – милые бранятся, только тешатся... В памяти, естественно, всплыла история с самоубийством Романа.

- Я тоже об этом вспомнил. И вот что интересно... Ты помнишь похороны этого несчастного парня?

- Ну так, в общих чертах. Ничего особенного не происходило, боль, слезы. Трагедия для всех, особенно для Павлины, его приемной матери.

- А я кое-что вспомнил. Не знаю, как тебе поможет эта информация... В день похорон Ольга стояла рядом со мной. Она обронила такие слова: не все так просто, как кажется на первый взгляд. Я подумал: мысли вслух, бывает. И почему-то решил, что к происходящему эти слова не имеют отношения. Вероятно, у Ольги свои проблемы, она ими озабочена.

- Не уточнил?

- Только покосился в ее сторону, Оля заметила и отвернулась.
- Что тебе пришло в голову? Про ее личные проблемы ты уже сказал. Что еще?
- Олины слова не выходили из головы. Я вдруг подумал: а если это не самоубийство?
- Ты предположил, что с Ромкой мог расправиться отец девочки, которую Ромка хотел изнасиловать? Мужчина решил, что парень сам не остановится и взял эту миссию на себя?
- В чем-то он прав – неизвестно, до какой черты парень бы дошел. А так он защитил не только свою дочь, но и других поселковых девушек.
- Ты его оправдываешь?
- У меня нет доказательств его вины.
- У следователя тоже их не было. В тот день подозреваемый находился далеко от «Веселого», нашлись свидетели.
- А судебно-медицинская экспертиза что показала?
- Поначалу судмедэксперт не отрицал, что это могло быть убийство. Версия базировалась на том, что в крови пострадавшего обнаружена большая доза... успокоительного препарата. Названия я не помню. Этот препарат Ромке прописал лечащий врач. Лекарство подавляет возбудимость. Человек становится вялым и... безвольным... в чужих руках, если переборщить с дозой, - пробормотала Авдотья. - В принципе, Ромка сам мог увеличить дозу, чтобы охладить свой... сексуальный пыл. Павлина рассказала следователю, что незадолго до трагедии она взяла с него слово, что он не вернется к своим... нехорошим привычкам, перестанет ее позорить на весь поселок, будет прилежным мальчиком.
- Словосочетание «прилежный мальчик» никак не относится к Ромке.
- Ну, сказала и сказала. Она надеялась, что парень сдержит слово.
- А он, когда понял, что нет сил удерживать свои желания в узде, выпил лекарство, потом добавил, чтобы быть уверенным в успехе, а потом... не завалился спать, а пошел в сарай и повесился. Странно.
- Действительно, странно, - согласилась Земцова. – Как-то большая доза успокоительного не сочетается с желанием лишиться себя жизни.
- Почему эта мысль не пришла в голову следователю, который вел уголовное дело?

- Видимо пришла, раз он обратился за консультацией к специалисту по психиатрии. А специалист заявил: ничего удивительного – суицид на почве эмоциональной нестабильности. Якобы подобное может произойти, если... дай бог памяти... если психически неуравновешенный человек не видит смысла своего дальнейшего существования. И он не видит смысла, если «ему дают по рукам» - не дают, простите за тавтологию, любимую игрушку. Игрушкой в данном случае являются представительницы противоположного пола. С игрушкой можно позабавиться, а потом... сломать.
- Грешно так говорить, но я считаю, что трагедия, произошедшая с Ромкой, это лучший выход для всех, - повторился Подопригора.
- Давай вернемся к словам Ольги.
- Допустим, она что-то видела, но в тот момент не сообразила, что происходит. Потом поселок облетела новость о гибели Романа, и Оля призадумалась...
- А на похоронах Романа в поле зрения попал убийца, - задумчиво протянула Авдотья. - Он сам себя выдал... взглядом или жестом... Скорее, взглядом. Что могла заметить Оля в его взгляде?
- Страх, - тут же ответил Подопригора. – Или уловила тщательно скрываемую радость, никак не совместимую с проходящей церемонией.
- Отца несостоявшейся жертвы мы вычеркнули из списка подозреваемых. Кто еще мог покуситься на жизнь парня с... нездоровыми желаниями?
- Думаешь, кто-то еще пострадал от действий Романа, скрыл это от правоохранительных органов и от своих родных. Но со временем правда вскрылась, и Роману жестоко отомстили?
- Задача сложная, но надо попытаться вычислить этого человека.
- Этим человеком мог быть Владимир Ефименко, - высказался Кузьма.
- К тому времени Владимир уже год как ушел от Павлины. Если бы он хотел расправиться с Романом, то сделал бы это раньше.
- Выходит, он не при делах, - быстро согласился Подопригора. - Вовка Ефименко терпел приемного сына ради жены, которую всю жизнь носил на руках. Но всякому терпению рано или поздно приходит конец.
- Я не собираюсь никого осуждать, тем более Ромка - не его «крест», который обязан нести до конца своих дней. Когда Павлина забирала мальчика в свою семью, мнение мужа ее не интересовало. Я не хочу ставить себя на чье-либо

место, - поспешно произнесла Авдотья, заметив немой вопрос в глазах своего визави, - просто озвучиваю то, что мне известно.

- Чужая семья – потемки, - вздохнул Кузьма.

- Верно, тут в своей семье не всегда разберешься... Кузя, ты сегодня... какой-то другой.

- Я всегда таким был, только ты не замечала.

- Я замечала, что ты зациклен на одном и ни о чем другом говорить не желаешь.

- На безответной любви к тебе я зациклен и не скрываю этого.

- Фанатичное чувство любого рода меня всегда отпугивает и заставляет отдалиться от человека, его обладателя.

- Если бы я был зациклен на... одном, то давно бы свихнулся. А я, как видишь, вполне себе... психически здоров и полон надежд.

- Я это поняла. Прости, что так долго испытывала твое терпение.

- Это... заявление... можно расценивать как... согласие?.. – с опаской обронил Подопригора, а женщина нахмурилась. Пришлось выпутываться из сложной ситуации, в которую себя же загнал. - Всё! Я молчу! Больше ни слова! - Мужчина изобразил полную сосредоточенность на важном деле. Дело, действительно, было важным не только для его любимой женщины, но и для него, потому что он чувствовал себя ответственным за всё, что с ней происходит.

- Кузя, у тебя есть мысли по поводу предполагаемых жертв Романа?

- Глубоко сомневаюсь, что нам удастся выяснить, на чью честь посягал Роман. Опросы населения нам точно не помогут.

- Мда, вряд ли кто-то захочет делиться подробностями и ворошить печальное прошлое.

- Душа моя, вся надежда на тебя: постарайся вспомнить, что происходило в твоей семье в день гибели Романа.

- Я уже пыталась... В тот день приехали дочь с зятем и внучкой. Будто все как обычно. Мы работали в огороде... Ой, вспомнила, у меня желудок разболелся. Оля предложила заварить цветки ромашки, и пить настой. Мне всегда помогает. Оказалось, что все запасы цветков ромашки закончились. Тогда

дочка вызвалась сходить на луг. Я заспорила: нужна сухая смесь, а Ольга отмахнулась и ушла.

- Оля отправилась на луг за ромашкой. Ее путь лежал мимо дома Ефименко и мимо дома Кукориных. Другой дороги нет и не было. Получается, Оля могла стать свидетелем убийства, но не сразу это поняла.

- Выходит, так.

- Потом Оля увидела на похоронах человека, который в тот злополучный день был рядом с Романом. Тот как-то себя выдал, и Оля прошептала те слова, которые я услышал.

- Осталась самая малость – узнать, кто это, - без всякой иронии заметила Авдотья.

- Как кто? Ты еще не поняла? Это ж Павлина! Только она могла такое проверить со своим приемным сыном, которого винила в личной трагедии. Его проблемы и возникающие то и дело проблемы с ним связанные, ее мало беспокоили. У нее на повестке дня один вопрос – как вернуть Владимира. Выход нашелся – не будет Романа, семья восстановится.

- Погоди-погоди... Допустим, так все и было, но есть важное уточнение: в день убийства Оли Павлина находилась на лечении в больнице, куда угодила после похорон.

- В больнице? – вскинул кустистые брови Кузьма. – Разве? А мне кажется, я ее видел в тот день. Твои как раз садились в машину, а Павлина Ефименко околачивалась неподалеку. Я еще подумал: что ей здесь понадобилось? И на шибко больную она совсем не походила.

- Затея с больницей была неслучайной: Павлина хотела вызвать жалость у Владимира. Когда поняла, что Владимир не вернется, выписалась из больницы...

- Выписалась, увидела Ольгу, вполне возможно, что Оля как-то не так на нее посмотрела или что-то сказала, вполне безобидное на первый взгляд, но Павлина что-то заподозрила и решила: одним убийством больше, одним меньше... То, что Павлина тебе соврала - лишнее доказательство ее вины.

- Да, могла бы промолчать. Или придерживалась бы прежней версии – никого у дома Кукориных не заметила.

- Ну и монстр в женском обличье, - покачал головой Кузьма Подопригора.

- Я не могла понять, откуда взялась такая бешеная ненависть к бывшему мужу. Ведь она появилась не сразу, а после гибели Ромки. Выходит, Ефименко переложила вину за убийство Ромки на бывшего мужа. Из-за него она пошла на убийство, а он... сделал неправильный выбор.
- Павлина напичкала парня лекарственными препаратами, которые ему назначил врач, отвела в сарай и повесила. Женщина она крупная, сильная, а Ромка невысокий, худощавый, так что справилась с ним без особых проблем.
- Убила двух человек и спокойно себе живет вот уже пятнадцать лет. А я ее еще жалела... Но сколько веревочке не виться, в конец один.
- Как поступим? – подобрался мужчина.
- Я к ней пойду и прямо скажу, что мне все известно.
- Не позволю тебе никуда идти, тем самым подвергать жизнь опасности! И не спорь со мной!
- Но ты же будешь рядом, - успокоила его Авдотья и ласково погладила по плечу.
- И не только я, но и Черноухов. Мы просто обязаны ввести его в курс дела, иначе за самоуправство он нас по головке не погладит.
- Спорить не буду. Пошли в участок...

Когда Земцова пришла в дом Ефименко и с порога обвинила ее в убийстве Романа и Ольги, «тяжело больная» Павлина вдруг выздоровела на глазах, резко вскочила с кровати, забегала по комнате, зыряка в сторону непрошенной гостьи, затем подошла к окну, изучила обстановку, после чего опустилась на стул рядом с Авдотьей, которая сразу после заявления поспешила сесть – ноги ее не держали. Страх не было, было безумное напряжение и усталость.

- Я так и знала, что ты догадаешься, - подавшись к ней, прошипела женщина с безумными глазами. Беспорядочная шевелюра и белая ситцевая ночная сорочка завершали образ постояльца клиники для буйных.

Чтобы совладать с нахлынувшей брезгливостью и дать возможность «постоялице» высказаться, Авдотья не нашла ничего лучшего, как сконцентрировать свое внимание на безобидных босых ступнях женщины. Ничего необычного, толстенькие пальцы с аккуратно подрезанными ногтями.

Пальцы на ногах жили своей жизнью, волнообразно шевелились, выдавая нервозность.

Она не просто злиться, она боится, - подумала Авдотья. – Она... меня... боится. Но старательно выказывает превосходство.

- В чем сила, брат? В правде, - обронила Авдотья Ипполитовна, прищурившись. - Сейчас ты напишешь чистосердечное признание, суд это учтет при вынесении приговора. Отправится в места не столь отдаленные тебе, убийца, придется. Отвертеться не удастся.

- Это ты так считаешь. А я считаю по-другому: ты не выйдешь отсюда живой. У тебя самоуверенности выше крыши, что мне только на руку. Ты ведь не сказала о своих догадках Черноухову? Нет? Я так и знала. Конец тебе, мисс Марпл!

- Я не боюсь смерти. Но прежде чем... всё случится, хотелось бы услышать о твоих «подвигах»...

Выслушав циничную речь недочеловека, который в данный момент совсем не походил на прежнюю добросердечную Павлину Ефименко, Земцова обронила:

- Впрочем, ничего нового для себя я не услышала. Но как у тебя поднялась рука на этого несчастного мальчика? Если ты хотела избежать проблем, отдала бы его в специализированную клинику, откуда он бы не вышел, если бы ты сама не изъявила желания его забрать. Тем более, прецеденты с его участием в поселке были, у тебя была причина закрыть его за высоким забором.

- Тоже, удумала! Все поселковые смотрели бы на меня косо, тут же позабыв, чем им всем грозило нахождение Ромки в «Веселом».

- На мнение других тебе было глубоко наплевать, тебя беспокоило мнение Владимира, который при всей своей нелюбви к пацану тебя бы не понял. И не вернулся бы к тебе. А вот в случае смерти Романа у тебя появлялась надежда на возвращение мужа. Но вышло не так, как ты рассчитывала: в самый неподходящий момент появится свидетель, это раз, второе – муж не вернулся.

- Жаль, что Ольга не погибла в автоаварии... Одним грехом было бы меньше... Представляешь, она до конца не верила, что я виновна в смерти Романа. Так мне и заявила, когда я неожиданно вошла в дом. Или просто испугалась за свою жизнь. Понадеялась, что договорится. Не вышло. Она такая же дура, как и ты...

В руках Ефименко оказался крепкий обувной шнурок. Преступница ловко набросила шнурок на шею жертвы...

В дом ворвались двое мужчин, один молодой, другой постарше. Убийцу оторвали от жертвы и бросили на кровать, где она принялась кататься и голосить. Троица смотрела на нее с отвращением.

Когда в комнате повисла тишина, Авдотья выдохнула:

- Ну, вот и всё.

- Всё только начинается, - заметил потенциальный жених...

Июль – август 2021г.